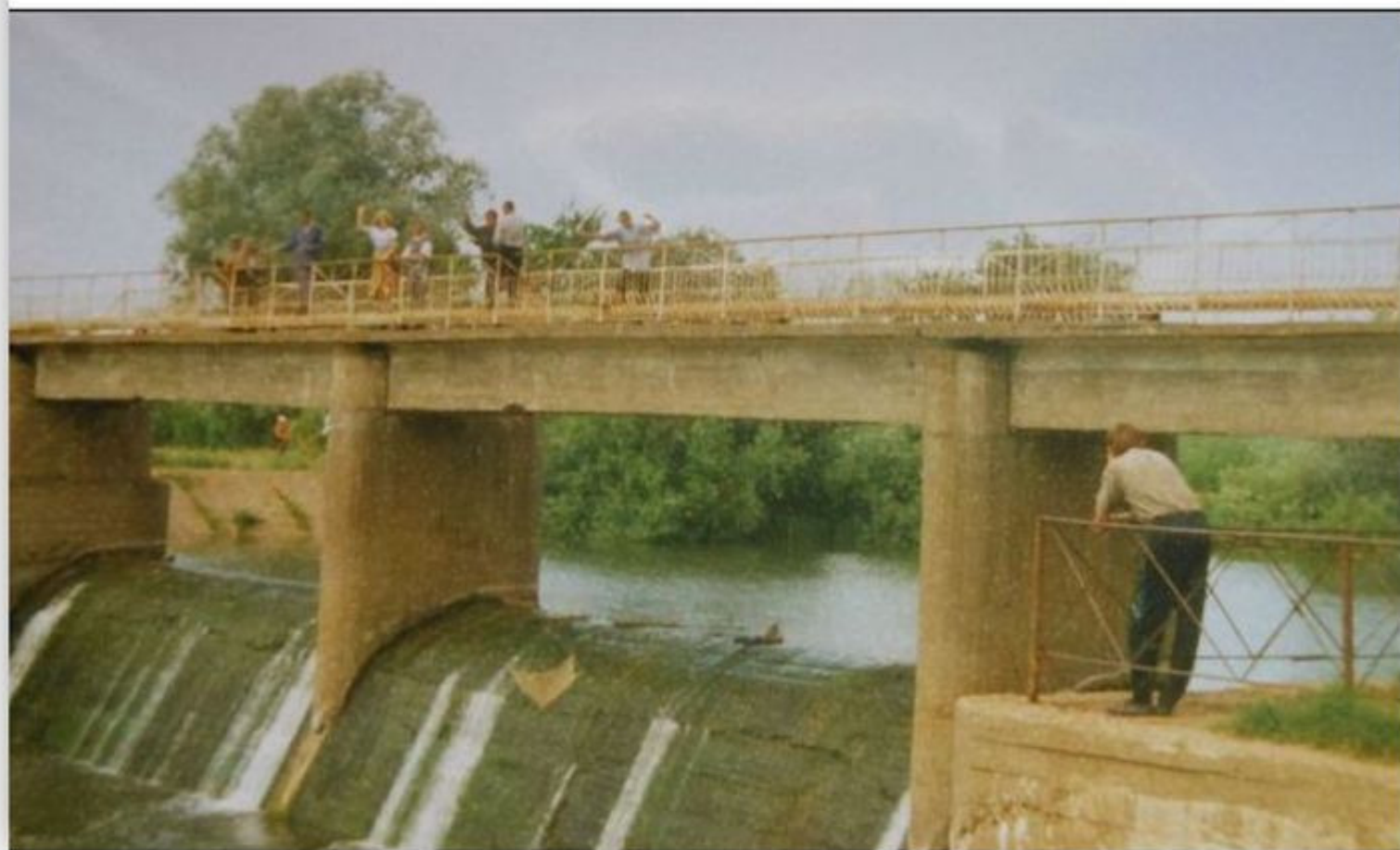

18+ Сергей Чернец

Женский взгляд

Серьёзные истории

Сергий Чернец

**Женский взгляд.
Серьёзные истории**

«Издательские решения»

Чернец С.

Женский взгляд. Серьёзные истории / С. Чернец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512082-3

Каждый человек устроен по-своему. Если человек хорош в чём-то, то в чём-то он может быть плох. И нет человека, который был бы законченным злодеем. Нет и таких людей, кто сочетал бы в себе все достоинства сразу: и красоту, и сдержанность, и ум, и вкус, и верность слову... Каждый хорош по-своему, и трудно сказать, кто же из нас действительно лучший, — все люди хорошие!

ISBN 978-5-00-512082-3

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Музыка	6
Из истории музыки	8
Звуки Земли (Природы)	9
Жаворонок	10
Чудо встречи утра с петухами	11
Об опыте и мастерстве	12
Излишки и излишества	14
Три колдуна	16
Люди и птицы	18
Гусиная верность	20
Чудеса Принца	24
Часть первая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Женский взгляд Серьёзные истории

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2020

ISBN 978-5-0051-2082-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Музыка

От Платона древнегреческого философа мы узнаём дифирамбы о музыке, это ещё до нашей эры:

«Музыка воодушевляет весь мир, снабжает душу крыльями, способствует полёту воображения; музыка придаёт жизнь и веселие всему существующему... Её можно назвать воплощением всего прекрасного и всего возвышенного».

И Аристотель философ, живший также до нашей эры, вторил Платону:

Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души; и раз музыка обладает такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодёжи».

С другой стороны: «Никакое искусство не может подражать (сравниться) мастерству природы» – находим мы в афоризмах Древней Греции, в высказываниях тех учёных-философов.

Искусство восполняет недостающее в природе, приспособливает звуки природные к восприятию человеком.

«Музыка глушит печаль» – сказал Шекспир —

«Нет на Земле живого существа
Столь жестокого, крутого, адски злого,
Чтоб не могла хотя б на час один
В нём музыка свершить переворота.

Кто музыки не носит сам в себе
Кто холоден к гармонии прелестной
Тот может быть изменником, лгуном,
Грабителем, – его души движенья
Темны как ночь, и, как Эреб, черна
Его приязнь. Такому человеку
Доверья нет, не доверяй!»

Мартин Лютер: «Музыка – лучшее утешение для опечаленного человека» – считал человек верующий в Бога, богослов.

Философы поближе к нам и нашей эры, как Эразм Роттердамский – «Изящество потребно не в одних искусствах, но во всех делах человеческих» – так они считали. – И музыка помогает во всех делах человеческих: под музыку все дела «спорятся» – делаются легче. Музыка всюду – «нам песня и строить и жить помогает» – всем известна фраза из песни в фильме «Весёлые ребята».

Гельвеций философ 18 века, (ещё ближе к нашему времени) говорит:

«Задача искусства – волновать сердца, – сильнее музыки сердце взволновать так быстро и значительно не может ни один вид искусства, – она непосредственно воздействует на душу...».

С другой стороны: «Что слишком глупо, чтобы быть просто сказано словами, – то поётся», – и с музыкой воспринимается людьми..., музыка облагораживает любую глупость.

Лейбниц математик сравнил – «Музыка есть бессознательное упражнение души в арифметике». Очевидно считая, что человек в уме считает ноты: их количество, высоту, длительность и так далее.

Так что Музыка – это неоднозначное произведение природы, которое использует человек с самых древних времен: звуками барабанов пещерные люди наслаждались и передавали сообщения...

Гёте – «Величие искусства яснее всего проявляется в музыке».

«Каждый день следует прослушать хоть одну песенку, посмотреть на хорошую картину, и, если возможно, прочесть хоть какое-нибудь мудрое изречение – так считал Гёте.

«Кто из подвластных грозным девам,
Прядущим жизненную нить,
Кто мог певца живым напевом
Своей души не покорить?

Волшебной силой вдохновенья,
Как жезл посланника богов,
Певец низводит в царство тленья,
Уносит выше облаков
И убаюкивает чувства
Святыми звуками искусства. —

Так о музыке отзывался Шиллер.

Наш писатель Тургенев любил музыку: «Музыка – это разум, воплощенный в прекрасных звуках».

Но (с другой стороны) Философ Ключевский, критически относившийся ко многому и к искусству в том числе, говорил: «Искусство – суррогат жизни, поэтому искусство любят те, кому не удалась жизнь». И к музыке рационально подходя, Ключевский говорил: «Музыка – акустический состав, вызывающий в нас аппетит к жизни, как известные аптечные составы вызывают аппетит к еде».

Но это не удивительно, – если Ключевский – некоторыми учёными восхваляемый, считал человека ниже всех: «Мы низшие организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову».

Но Лев Толстой любил музыку: «Музыка – стенография чувств»

(И всё-таки). Из всех искусств музыка – самое человеческое и распространённое.

Музыка своей мелодией доводит нас до самого края вечности и даёт нам возможность в течении нескольких минут постичь Её величие.

Конец.

Из истории музыки

По легенде именно Пифагор открыл законы музыкальной гармонии и свойства гармонических отношений между звуками.

Легенда гласит, что учитель однажды прогуливался и услышал звуки молотов из кузницы, которые ковали железо; прислушавшись к ним, он понял, что их стук создает гармонию. Позже, опытным путем Пифагор установил, что различие звуков зависит только от массы молотка, а не от других характеристик.

Потом философ сделал из струн устройство с различным количеством гирек; струны крепились к гвоздю, который был вбит в стену его дома. Ударяя по струнам, он вывел понятие октавы, и то, что её соотношение равно 2:1, открыл квинту и кварту. Затем Пифагор сделал устройство с параллельными струнами, которые натягивались колками. С помощью этого инструмента он установил, что определенные созвучия и законы есть во многих инструментах: флейтах, цимбалах, лирах и других устройствах, с помощью которых можно производить ритм и мелодию. Есть легенда, которая повествует о том, что, однажды гуляя, Пифагор увидел неистовую пьяную толпу, которая вела себя неподобающим образом, а впереди толпы шел флейтист. Философ приказал этому музыканту, сопровождавшему толпу, играть в спондеическом размере – тот заиграл, и вмиг все протрезвели и успокоились. Так с помощью музыки можно управлять людьми. **СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПИФАГОРИЙСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА МУЗЫКУ** Звуки могут, как исцелить, так и убить. Лечение музыкой, например, арфотерапия, в некоторых странах была признаётся и изучается (например, в Британском институте арфовые мелодии используют для облегчения прохождения курса химиотерапии). Пифагорейское учение о музыке сфер подтверждается современной теорией «супер струн»: колебаниями, которыми пронизано все космическое пространство.

Но со звуками Природы Земли не сравнится ни один человеком изобретённый музыкальный инструмент. Песню жаворонка и/или соловья не подделать ни на каком рояле!..

Конец.

Звуки Земли (Природы)

Когда человек городской приезжает в деревню, мой вам добрый совет – прислушайтесь к звукам Природы.

Прислушайтесь хорошенько, стоя на опушке леса или среди пробудившегося от утреннего солнца цветущего поля, и, если у вас сохранился слух, вы непременно услышите чудесные звуки земли (природы), которую во все времена люди так ласково называли – матерью Землёю.

Особенно весной и вначале лета звуки природы ласкают слух: «Будь это журчание ручейка или нахлёт маленькой речки на береговой песок. Шелест цветущих луговых трав под ветерком или трепетание зелёной листвы на деревьях. Треск кузнечиков у протоптанной луговой тропинки или песня жаворонка в небе над полем. И шум хлебных колосьев, и тихое порхание бабочек и стрекоз» – всё это бесчисленные звуки природы, слышать которые люди городские, оглушенные шумом машин, уже отвыкают.

– Но тем радостнее такому городскому человеку, ещё не совсем утратившему чувство родной природы – побывать в лесу, на речке, в поле – наедине с природой, набраться душевных сил, которые, быть может, всего нужнее нам, чтобы обрести душевное равновесие и покой душевный.

Для деревенских жителей и для нас, бывалых рыбаков и охотников, звуки природы драгоценны. Перечислить их, пожалуй, невозможно. Они обладают целительной силой. Они заменяют нам музыку... и не из этих ли звуков возникло всё лучшее, что запечатлелось в песнях и в великих музыкальных творениях!

Я с радостью вспоминаю сейчас звуки Природы, некогда пленявшие меня в детстве, и не от тех ли времён (с детства) досталось мне лучшее, что заложено в моей душе?

Вспоминаю лесные, таинственные тогда для меня, звуки, – дыхание пробуждающейся весной земли. И сегодня они волнуют и радуют меня.

В ночной тишине ещё отчетливей слышно дыхание земли – шелест листка над поднимающимся из земли, быстрорастущим свежим грибом (это я увидел и услышал, когда ночевал у костра около речки в лесу). А ещё: трепет ночных легких бабочек, летящих на свет пламени, а под утро крик петуха в ближайшей деревне...

А как хорошо и незабвенно каждое новое утро! Ещё до восхода солнца просыпаются и начинают радостно петь птицы.

В городах утро тихое – люди спят в своих каменных домах, редкая машина прошумит под окнами по пустой улице.

А в лесу, с зарёй, окрасившей красно-оранжевым небо с востока, полнится жизнью пробуждающийся лес, полной грудью начинает дышать природа с первыми лучами солнца. Нет ничего музыкальней, чем наступающее раннее утро. И ещё серебристее звуки журчащей воды в речке, душистее становятся и запахи лесных трав, и аромат их чудесно сливается с музыкальной симфонией утра: пение птиц, их щебет, крики – разбавляет басовитый пролёт шмеля и барабанный стрёкот кузнечиков. Это прекрасно!

Жаворонок

Из множества звуков природы, самый весёлый и радостный – это песня полевых и луговых жаворонков. Ещё ранней весной, когда на полях лежит рыхлый снег, но уже на пригреве образовались первые тёмные проталины, прилетают и начинают петь ранние весенние гости. Прямо вверх, столбом, поднимается в небо, непрерывно трепеща крылышками, пронизанными солнечным светом, выше и выше взлетает в небо жаворонок и исчезает, становясь невидимым в сияющей голубизне.

Удивительно красива, звонкая песня жаворонка, приветствующего приход весны. Она согласуется с дыханием земли, от которой поднимается прозрачная дымка, – над полем размывающая даль.

Многие великие композиторы в своих музыкальных произведениях старались изобразить эту радостную песню. Даже неопытные городские люди, живущие далеко от природы, выезжая за город, слышали весёлые песни жаворонков. Только самые глухие из них, оглушенные грохотом машин и современной шумной музыкой, не способны услышать радостные звуки песни весны.

Ещё в детстве своем, деревенском, я любил слушать песни жаворонков. Идешь по тропинке по лугам, любишься цветами, синими васильками. Справа и слева взлетают и с песнями поднимаются в небо жаворонки. Чудесной музыкой наполняется простор. А вокруг добавляют к оркестру свои скрипки кузнечики, на опушке леса воркуют горлицы. Приляжешь спиной на землю, через тонкую ткань рубашки чувствуя материнское её тепло. Глядишь и не нагладись в высокое небо, откуда доносится пение птиц, видишь перед лицом склонённые стебельки цветов.

С тёплой землёй связана жизнь жаворонков. На цветущих полях, на земле делают они свои гнёзда, выводят и выкармливают птенцов. Жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, избегают густых и тёмных лесов. Над широкой степью, над полями и лугами почти всё лето слышны их радостные песни.

В прошлые времена на Руси были весенние праздники, и наши предки пекли в печах из теста слепленных жаворонков. Был такой обряд. Вынимали из печи подрумяненных тестяных жаворонков, и детишки с жаворонками в руках весело выбегали на берега реки смотреть, как пробуждается земля и в заливных лугах слушать весеннее пение птиц.

Конец.

Чудо встречи утра с петухами

В раннем детстве своем я проживал в деревне у бабушки. Лет до семи я считался местным жителем и был своим среди всей деревенской живности. А потом, учась в школе и проживая в городе, я приезжал в деревню только на летние месяцы, на каникулы. И из всех животных меня помнила только собака и прыгала на грудь, пытаясь лизнуть лицо.

Не могу точно сказать, когда случилось это чудо озарения. Во всяком случае, – если не в день летнего солнцестояния, 21 июня, то очень близко к нему.

Я тогда проснулся еще «до света», как говорится, на заре. И без этого мутного перехода, когда сон вырастает в явь. С таким чувством уверенности и с легкой свежестью в голове я подошел к окну, ожидая точно и зная, что там за окнами, под открытым небом, в этой нежной ясности занявшейся зари происходит какое-то простое и замечательное чудо.

Не успокоившись видом из окна, я выбежал на крыльцо. Услышал я ласковые песни соловьев от огорода, за которым сразу же начиналась опушка леса с кустами. В еще холодном воздухе стояли деревенские ароматы трав, листьев, земли. В темной еще, далекой полосе леса, путались застрявшие ночью, как тонкая кисея, обрывки ночного тумана. Но деревья уже проснулись, я смотрел в сторону леса и на небо, озаренное светло розовой полосой зари. Тогда мне подумалось, – ведь деревья не видят и не слышат. Что главное – не слышат.

А я услышал, никогда до этого не слыханный звук – мощный и звонкий, – от которого дрожала каждая частица воздуха. И я не вдруг понял, что это пели петухи. Прошло много секунд, пока я догадался. Мне показалось, что по всей земле трубят золотые и серебряные трубы, посылая ввысь звуки удивительной чистоты, красоты и звонкости.

Я знаю сегодня и силу, и пронзительность петушиного крика. Но тогда, в этот первый стыдливый час, когда земля, и деревья, и небо, только что выкупались в ночной прохладе, молчаливо надевали свои утренние одежды, – я с волнением подумал: а ведь это сейчас поют все петухи, все, все до одного, – и старые, пожилые и молодые, годовалые мальчуганы, – все они, которые живут на огромной площади уже освещенной утренним солнцем и на той площади, что через несколько секунд-мгновений засияет в солнечных лучах.

Во всей округности, доступной человеческому слуху, везде поют петухи. И нет ни одной фермы, двора чтобы бывший там петух не вытягивал голову вверх и топорща перья на горле, не бросал бы в небо торжествующие прекрасно-яростные звуки. И повсюду – в соседней деревне, в районном поселке, и в пригородных деревнях – повсюду поют петухи, как молитвы своему богу Солнцу.

Временами ближние деревенские петухи затихали на несколько мгновений, замолкали, как будто выдерживали паузу, но новая волна звуков опять накатывала на утреннее небо.

Я слушал эту чудесную музыку с волнением, и с восторгом, когда осознал, как велика она по всей земле. Что за странное, что за необыкновенное утро было и остается в моем воспоминании.

Сейчас уже нет этого пафоса, Чудо бывает только один раз.

Конец.

Об опыте и мастерстве (Из цитатника).

Искусство ассоциируется с мастерством, а мастерство приходит с опытом, с каждодневными упражнениями в мастерстве.

«Неотёсанный чурбан» не бывает на стороне мастерства, он всегда против него, и, как раз основы основ, азы, придающие самую первую форму, кажутся ему особенно ненужными, противоестественными: «к чему мне учить геометрию, эти Пифагоровы штаны, которые во все стороны равны!» – думает учащийся на плотника. А вот в деле, в постройке дома, всё оказывается нужным: как стропила крыши рассчитать, к примеру, – тут и катеты, и гипотенузы... и так далее.

Решающую роль в работе играет не всегда материал, но всегда мастер и его мастерство.

Опыт, во всяком случае, берёт большую плату за обучение: и время отнимает, иногда и травмы причиняет, – но учит опыт лучше всех учителей.

А любые знания сокращают нам негативный опыт быстротекущей жизни. Тот больше узнаёт, кто больше пострадал. Об опыте поговорка имеется: «Осёл, знающий дорогу, стоит большего, чем прорицатель, гадающий наугад».

Приобретение знаний, приобретение опыта – это школа, в которой уроки, хоть и стоят дорого, и требуют больших усилий, но это – единственная школа, в которой можно прочно научиться на всю жизнь. Ещё Ломоносов говорил: «один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рождённых только воображением».

Один из философов, друг Канта, Иоганн Фихте высказал об опыте: «Разумное существо не имеет ничего вне опыта; опыт содержит в себе весь материал его мышления. Истинному и действительному времени принадлежит лишь то, что становится принципом, необходимым основанием и причиной новых, не существовавших до того явлений во времени. Лишь в этом случае возникает живая жизнь, порождающая из себя другую жизнь».

Философы философствуют, а мы черпаем материал из истории человечества, – на основе опыта образуется самая живая часть нашего практического ума.

«Прежде чем приступить к возведению дворца вселенной, сколько нужно ещё добыть материала из рудников опыта» – говорил другой учёный.

Воспитание человека начинается с его рождения, и всё познаёт человек опытным путём; – он ещё не говорит, ещё не слушает, но уже учится: берет игрушки и предметы руками, пробует их на вкус как... Опыт предшествует обучению, как таковому.

Знания, не рождённые опытом, матерью всякой достоверности, бывают бесплодны и полны ошибок. Как говорил Леонардо да Винчи: «Жалок тот мастер, произведение которого опережает его суждение; тот мастер продвигается к совершенству искусства, произведения которого превзойдены суждением».

Вот тебе два дела, – сделай хоть одно из них,
Коль прославится делами хочешь пред людьми:
Или то, что сам ты знаешь, передай другим,
Или то, чего не знаешь, от других возьми!

Говорил Поэт Али Энвери, современник Саади, который тоже стихотворно провозгласил:

Кто, опыт отринув, делами вершит —

В грядущем немало увидит обид.

К тому же вспомнить можно совсем уж древнего – Тацит, учёный древнеримский: «Из упражнений рождается мастерство», – сказал.

И старость крепка бывает благодаря основам, заложенным в молодости.

Лаоцзы умнейший из Китая с древности учил: «Кто, предпринимая дело, спешит наскоро достичь результата, тот ничего не сделает. Кто осторожно оканчивает своё дело, как осторожно начал, тот не потерпит неудачи».

А Сюньцзы, последователь Конфуция, подробно объясняет:

«Земляной червь не имеет острых когтей и клыков, у него нет крепких мышц и костей, и всё же на поверхности он питается пылью, а под землёй – пьёт подземную воду. Это происходит потому, что он весь – старание! Краб имеет восемь ног и две клешни, однако он поселяется в уже готовых ходах, сделанных змеями и угрями, – другого пристанища у него нет. Это происходит потому, что краб нетерпелив. Поэтому тот, кто не имеет глубоко скрытых желаний, не сможет обладать блестящей мудростью; тот, кто не отдаётся целиком делу, не будет иметь блестящих успехов».

Учиться надо у древних, они делятся с нами своим опытом жизни!

Конец.

Излишки и излишества

Забота об излишнем часто соединяется с потерей необходимого. – у каждого свои мерки: одному жалко потерять нажитое, чтобы приобрести что-то новое; другой легко расстаётся с тем, что добывал себе с большим трудом. Но потеря старого образа жизни всегда вызывает некоторый дискомфорт.

Однако есть у человека Путь – к развитию, к улучшению своей жизни. Дао – буквально Путь.

Отрицание Дао – это последствия:

1) имеем (+) роскошные дома-апартаменты – и тут же (-) заросшие сорняками поля;

2) имеем (+) пресыщение пищей, богатые модные одежды для единиц богатых людей – и (-) совершенно пустые хранилища-склады для всех остальных.

Заботиться нужно не только о себе и не только на сегодняшний день...

Излишек в чём бы то ни было опасен человеку:

1) грубость – раздражает людей (излишнюю грубость иметь не надо);

2) упрямство – людей отталкивает;

3) с другой стороны: мягкость – вызывает надменное презрение к тебе других;

4) излишние доказательства своей правоты – раздражают, обижают людей;

5) слепая вера твоя – делает тебя смешным в глазах других;

6) а неверие – тебя самого ведёт к порокам.

Не следуй неумеренным желаниям твоим, но не подавляй всех желаний напрочь – советует Даосизм, мера нужна и эту меру узнать поможет только опытный учитель...

Не станет разумный ради малого губить великое. Малым сберечь великое – вот истинная мудрость.

Даже излишек знаний не так полезен бывает: «Если бы мы познали все тайны Вселенной, мы впали бы в неизлечимую скуку».

Истинный учёный не может не быть скромным: чем больше он познал, тем яснее он видит, как много ещё можно познать и сделать для науки. (Анатоль Франс).

Великий ум проявляется в поразительном равновесии всех способностей (в знании меры вещей, и знании, в виде информации, в том числе); несоразмерное напряжение или переизбыток каждой способности в отдельности – это присуще скорее всего безумию, а не уму.

Не надо спешить: дай мыслям дозреть, – но не перезреть; перезрелые мысли, как плоды (яблоки) впрок не идут.

От любых излишеств рождается цепочка нестроений: пресыщение – рождает скуку, скука – душевное огорчение. А кто этим страдает, того нельзя назвать здоровым, но душевно-большим.

Кто отказался от излишеств, тот избавил себя от лишений.

Есть избыток строгости (который понятен всем) и есть избыток снисходительности: избегать надо обоих состояний одинаково.

Если тщеславие сделало кого-нибудь счастливым, то наверняка этот кто-то был дурак! – как сказал один умный человек.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес (1601) написал трактат «Благоразумный», где изложил нравственные принципы аристократического воспитания. Книга содержит 300 правил житейской мудрости:

«Оставляй неутолённым, чтобы уста просили ещё нектара. Желание – мера ценности. Хороший вкус советует даже телесную жажду разжигать, но не утолять; хорошо, да мало – вдвойне хорошо. Во второй раз всё кажется куда хуже. Пресыщение вредит удовольствию, вселяет отвращение даже к веками признанному величию. Верный способ быть приятным: захватить аппетит в тот миг, когда голод его разжёт, и – оставить под голодом. Уж ежели ему раздражаться, то лучше от нетерпеливого желания, нежели от досадной сытости: наслаждение выстраданное вдвойне сладостно».

И ещё: «Отсутствие иногда полезно – прибавляет уважения, поднимает цену. Присутствие умаляет славу, отсутствие увеличивает; тот, кого в отсутствии почитали львом, оказался – и жалким порождением горы оказался. Достоинства вблизи блекнут – окружающим видна кора наружного, а не сердцевина духа. Воображение быстрее зрения, и очарование, что обычно через слух входит, через глаза выходит. Кто в зените славы скроется с глаз, тот её (славу) сохранит. Даже феникс исчезает, дабы пуще заблистать: разжигая желание, освежить почитание».

От упорства в споре больше потеряешь, чем выиграешь; победив в споре, ты не истину отстаиваешь, а свою невоспитанность.

— — — — —

Ничто не бывает постоянно одинаково хорошим, потому что и хорошее, сделавшись чересчур уж полнокровным, умрёт от своего же переизбытка. И противоядие становится ядом, когда его много.

Учили нас древние умудрённые опытом – так немного вберём же мы мудрости древней!

Конец.

Три колдуна Пересказы (слухов деревенских).

Ещё задолго до всего видели бабы и мужики наши деревенские всякие знамения и видения, от уха на ухо ходили по деревням слухи.

Пред войной видели на небе огненный, в дыму и крови Крест. Крестьянин Рукастый, ездивший в город и заночевавший в пути на опушке в телеге, на рассвете увидел: сидит на дороге большая «сорока не сорока», колпица или сойка, – и стало Рукастому отчего-то страшно: вдруг, метнулся через дорогу этот образ малой птицы, ударился о пень, обернулся человеком – огромный, высокий, с усами и в латах, с мечом в руке, он таял и растаял на глазах исчезая. – Уж после поняли, что это был германский император Вильгельм, как на картине старинной, что в музее стоит, в рыцарских одеяниях.

По первому времени видели старого барина местного, который прилетал на «ероплане» поместье своё осматривать. Видели ещё человека: выходил, будто бы, из леса проходил по дороге и ветром обдавало проезжающих на телегах мужиков и баб: проходил человек-образ по дороге быстро и опять в лес, только макушки берёзок на опушке колыхались.

Это сейчас попы в рясах ходят по улицам и никого не смущают. А то было время беспоповщины, атеистическое, когда и церквей-то мало оставалось по местам, то взорваны были, то в клубы переиначены без куполов.

Но. Поведено со старины, с «поповских времён»: пить в день Николин, до коль дух твой терпит. Тут и гулянья, и песни, и разудалый пляс, и хороводы. А то было памятно: что на самый Николин день опился в нашей деревне сам поп: шестнадцать стаканов (кто считал) первака-самогону выпил, «из ушей текло» и – крикк! – помер!

Развесёлый проводили день Николин, вся неделя – никольщина считалась в деревнях по всему району. И вот, загодя поставил Васька (сосед наш) «затОр», ушат-бочонок на двенадцать (или больше) вёдер, гнал две ночи подряд самогон – занавесил все окна и двери в избе. Дым в доме, гарь, болотным чёртом воняет, глаза у Васьки от самогонного духу как у коровы огромные сделались. Только и выбежит, бывает, из дома на снежок, ополоснуть корытце, пожует снегу горстью перехваченного в сугробе под окном и назад. А в доме сидел на чураке перед печью дед Антон, жадными глазами, глядел на бутылку четвертную, в которую каплет из трубки «живая водица», ждёт не дожждётся.

Известное дело: на Николин день – поить и кормить гостей до отвала!

И к богачке, Артемиде Ивановне, что слышнее всех принимала пришли все три колдуна с трёх деревень, три бороды: чёрная борода – Ведун-колдун, сивая борода – Савка-Славка, рыжая борода – колдун Артюха, местный.

Пили колдуны ходко, заедали салом и утятинной, говорили о всяком, а своём колдовском – ни-ни! И только когда хозяйка поставила на стол четвёртую бутылку самогона, «гусака» – среднего, от которого шипишь в рукав, – распустились у колдунов языки, и стали колдуны похваляться.

– Вот, сказал черный Ведун, – давай мне сейчас калёное горячее железо, в руку возьму, языком лизать буду, и ничего мне не приключится! —

– Плёвое дело, – ответил Савка-Славка, – гляди мою силу!.. —

И только он это молвил – глядят бабы и мужики, гости: посыпалась с потолка чёрная редька, густым-густо, насыпало пол-избы редьки.

Скалит зубы и Артюха рыжий.

– Ну это, – говорит, – что! Хочешь, – говорит, – я твою редьку враз сделаю белой? —

Молвил слово – и стала редька белей белого сахара!

Не стерпела хозяйка Артемида Ивановна, подошла к колдунам, показала рукой на божницу.

– Вот вам, дорогие гости, бог, – говорит, – а во-от порог! – и другой рукой на выход.

«Закусили свои бороды» колдуны, покрутили очами, что станешь делать? Полезли из-за стола через редьку на полу.

– Прощевай! – говорят ей с порога. – Попомнишь ты нас, Артемида. —

И только из дома вышли – бежит со двора дочка Артемидова, в голос кричит:

– Ой мама, корова наша упала в растяжку! —

Побежали на скотный двор. Лежит корова, на глазах пухнет, выше и выше её живот, вот-вот подохнет.

– Беги мать, догоняй колдунов, – говорят Артемиде.

Метнулась она, а колдуны – эва! – уже огороды прошли.

Догнала, еле дух переводит:

– Отцы родные!.. —

Молчат колдуны и идут себе потихоньку по дороге.

– Батюшки... —

Как камень молчат колдуны, идут в землю смотрят.

– Смилуйтесь!.. —

Обернулся рыжий.

– Что, – говорит, – будешь теперь нашего брата шпынять-прогонять? —

– Зарекусь, не буду. —

– То-то, – говорит, – ну, пойдя назад. Только помни крепко: колдун да поп – первые в доме гости! —

Встали колдуны в круг, пошептали между собой заклинание, – а корова на скотном дворе сдулась и встала целёхонька.

А о колдунах пошла весть и слава: колдун да поп – первые гости!

Конец.

Люди и птицы

С детства нам нравятся птицы – от певчей крохотного жаворонка и соловья до самой сто ни на есть непритязательной и вертлявой синицы, от роскошного белокипенного лебедя, труднодоступного для наблюдения даже в озерных местах природных регионов, до орлов и ястребов, летающих в вышине перед глазами.

Любовь к птицам у нас отнюдь не бессознательная слабость, а скорее эстетический принцип: нравятся людям и свобода птичьего полёта, и вольный выбор поселения, близость к растительному миру, единение с ним. При этом мы ревниво отличаем в птичьем царстве полезных от бесполезных, беззащитных от умеющих постоять за себя, миролюбивых от опасных хищников.

Что же касается вредных всеядных хищников – таких. Например, бесцеремонных, как ворона и сорока, уничтожающих птенцов в чужих гнездах, – этих мы нещадно прогоняем при каждом удобном и неудобном случае, мало людей, любящих ворон, собирающихся на помойках.

Особую нелюбовь у меня лично вызывает и ястреб тетеревятник, который по своим кровадым замашкам напоминает обыкновенного фашиста: он когтист и пожирает дятла, клеста, щегла, скворца, белку и прочую лесную невинную живность. А еще он таскал, крал пасущихся на травке маленьких гусятков деревенских. Так что меня ставили пасти гусей в самом раннем моём детстве в деревне у бабушки.

Я горячо благодарен природе за то, что она сделала меня с возрастом значительно более зорким, чем в детстве и юности. Границы небес расширились, горизонт видения раздвинулся, хищника я могу определить далеко-далеко – по первому взмаху крыла, по памяти дества.

Зачем же, однако, так пространно говорить о птицах, когда надо отвечать на вопрос о том, – каким я представляю мир, например, лет через двадцать, в будущем? Что это – разговор о птицах – случайность? Нет, я просто пользуюсь правом писателя и иду в рассуждении путем аналогии.

По моим понятиям – люди, также как и птицы, резко делятся на Полезных и Вредных.

Среди нас, людей, есть трудолюбивые дятлы, оберегающие сосняки и березняки, неутомимые синицы, уничтожающие мириады вредителей, есть голуби-связисты, есть певцы соловьи – и так далее...

Но среди нас, людей, есть, к сожалению, и свои всеядные вороны, и сороки, свои наглые ястребы тетеревятники, свои крикливые демагоги сойки и безответственные, эгоистичные кукушки.

Сегодня между полезными и вредными пролегла широкая полоса демократии. Межа законности. На которой ещё вынуждено произрастает жезл полиции, мандат следователя. Высокие кресла прокурора и судьи и даже холодный ключ от камеры заключения.

И такое же, наверное, наше будущее.

Какие бы хорошие идеи не посещали наше правительство, по экономическому преобразованию, какие бы хорошие программы не намечала правящая партия, для улучшения жизни в стране – не произойдет великолепное самоочищение от скверны, не совершится бескомпромиссное отбраковывание нарушителей кодекса благополучной и счастливой жизни.

Ну, а искусство, литература, какими они будут в нашем «светлом» будущем?

Воображение рисует, конечно, картину полного, бурного. Как половодье, расцвета многочисленных талантов из народа. Вот, установился бы, мечтается, своеобразный закон – конкурс непрерывного творческого соревнования, пробы на качество – как в среде профессионалов, так и в кругу мастеров самодеятельности. И происходило бы это соревнование на виду

у всего народа, и первенство присуждалось бы на мирУ, а не за закрытыми дверями весовщиков-вкусовщиков!

Но вот вопрос: будет ли почва для создания художественных произведений на основе жизненных конфликтов, бытовых противоречий, любовных и прочих неурядиц? Останутся ли причины для изображения остаточных явлений, эгоизма, собственности, лени и так далее? Иссякнет ли драматизм в поэзии и литературе?

Я думаю, что при всей своей завидной приглядности и высоте мечты, при всём своём справедливом устройстве – жизнь всегда будет давать темы для сложных психологических коллизий. При любом устройстве общества пригодятся мастера глубокой лирики и очистительного смеха.

Конец.

Гусиная верность (Рыбак рассказал, который ходит на дальнее лесное озеро, где живёт стая диких гусей).

Весна наступила в этом году ранняя, дружная и, – необычно, из-за изменений климата – неожиданная. Снега в эту зиму было мало (из-за потепления), по деревенским улицам уже не бежали, как раньше, бурливые, коричневые ручейки, сердито пенящиеся вокруг встречных камней и быстро вертящие в своих струях щепочки, и птичий пух. Вода впиталась в неостывшую землю, быстро согретую солнцем. И лужи были на прежних местах небольшие и мелкие, но не как прежде: когда в огромных лужах отражалось голубое небо, с плывущими по нему круглыми, точно вращающимися белыми облаками.

Перелётные птицы нынче запоздали. То есть, они-то прилетели вовремя, а природа их заждалась. Земля была сырая, но не от снега, который раньше оставался клочками в лощинах и тенистых перелесках. Всю весну, каждый день и через день шли дожди и дождики, так что снега не было давно, а над черными полями при солнечной погоде вился лёгкий парок, наполняющий воздух запахом готовой к посеву земли. Ночи рано стали теплее, в их густом влажном мраке чувствовалась спешная творческая работа природы – кузнечики и сверчки уже шумели в рано проросшей траве.

В сумерках ночи я пошёл на свою рыбалку, чтобы до рассвета дойти до далёкого лесного озера, которое, с одной стороны, болотом уходило в лес. В этом заболоченном лесу жили и гнездились большие птицы: цапли и утки. И каждый год возвращалась стая гусей из далёких тёплых стран на родное лесное озеро-болото. Далеко от деревни я ходил на это озеро за линиями, за рыбой редкой. Места мне были знакомы. Знакомы мне были и птицы, обитавшие на озере, я мог отличать даже старых гусей от молодняка, старые пары с их знакомой раскраской я узнавал и встречал как друзей. Может и меня гуси узнавали проплывали близко к моему берегу, мимо моего прикормленного местечка под высокой ольхой.

Накануне своего семидесятилетия учёный человек, безусловно талантливый, поскольку был удостоен многих премий, сказал, что человеческая жизнь состоит из четырёх этапов (4).

(Почему не вспоминать и не думать, и рассуждать на природе у озера, в одиночестве, ожидая поклёвки и глядя не только на поплавок, но и на окружающую прекрасную природу, вдыхая естественные ароматы цветущей весны...).

1. Первый этап – от 0 до 25 – называется детством и ребячеством, это когда человек ещё не стал человеком и ведёт «животный» образ жизни, как какой-нибудь куст сирени: «цветёт и пахнет».

2. Второй этап продолжается от 25 до 50. На этом этапе человек создаёт себя, – то есть, накапливает жизненный опыт, ошибаясь и набивая шишки накапливает знания жизни, совсем не те, что в школе и в институте учили. Но пятидесятилетний человек, увы, – ещё не совсем полноценный человек. Время от времени его всё-таки обуревают животные страсти. Зрелость приходит к человеку медленно, мучительно, и только на третьем этапе.

3. От 50 до 75 – человек становится Человеком. Ему уже бывают не страшны животные страсти (сила воли, какая-никакая, всё-таки есть), он может всецело заняться творчеством, вносить коррективы в свою работу, руководить другими людьми, быть директором, начальником, иметь учеников, последователей, давать советы, ценные указания и так далее. Но это ещё не всё. Самые сложные изменения происходят с человеком на последнем, на четвёртом этапе.

4. Там – после 75 – наступает нечто божественное: человек становится «Иконой, Идолом». Он уже не работает... на него молятся!

Автор такой классификации исходил из того, что чувство юмора присуще человеку в равной мере на любом этапе. Но не лишено подспудного смысла.

— — — — —

Большая часть человечества совмещает несколько религий-поверий. Три религии в одно: ходят в одни Храмы, а дома мажут рот другим идолам, почитают амулеты в виде жаб с деньгами или домовых-невидимых, живущих за печками.

Индия с миллиардом населения, Китай со своим миллиардом, и вся Азия Юго-Восточная – часто совмещают три основных религии с божествами от всех трёх: Лао Цзы, Конфуций, Будда – родоначальники.

Все искали одного и давали советы как найти – Шань Ин – смысл жизни: «Не спеши: переходя реку ощупывай камни».

Человек с самого рождения, с момента появления гомо сапиенс, ищет ответы на вопросы: что это (?), что там внутри (?), и все знают – бывает время детей почемучек – почему так (?).

Интересно: получаешь ответ на один вопрос – тут же высказывают несколько других. Есть о чём подумать.

Конфуций разработал концепцию идеального человека – цзюньцзы, в переводе – благородный муж. Которым становятся не по причине происхождения, а путём достижения (научения) высоких нравственных качеств, таких как: гуманность, верность, искренность (честность), справедливость, почтительность. Есть такая книга «Лунь-юй» – беседы и суждения.

От Лаоцзы пошло новое учение – Дао, путь. И книга есть «Дао и дэ» – о пути и добродетели.

Наконец, Будда. В 80-х годах нашей эры записаны «Трипитака» – три корзины закона – собрание буддийских текстов, созданных с 5-го по 3-й века до нашей эры. Через шесть лет странствий, принц Гаутама оказался под деревом и предался раздумьям. Впоследствии он стал Просветлённым – Буддой.

Всё примерно так и сложилось.

— — — — —

Человек многое не изобретает вновь, но чаще всего копирует у природы. Соты – идеальная поверхность...

Из наблюдений.

По извилистой тропинке между заболоченной чащобы пробирался я от края до края через дальний густой лес. От края деревни, за огородами которой сразу лес начинался, – до края болота, за которым было озеро лесное. Много птиц и зверей видел я в пробуждающемся лесу. Видел, как на краю болота токует глухарь, как в молодом осиннике, в розовом свете восходящего солнца пасутся лоси, а по лесному оврагу пробирается в своё логово, бежит с добычей, с птицей в зубах, лисица.

Спокойно утром в лесу. Далеко слышен каждый звук.

Вот проковылял по чащобе, тихо похрустывая сухими веточками заяц, – он возвращается прятаться в валежнике с «ночного промысла» усталый – (вспомним) «зайцы в полночь траву на поляне косили, и при этом напевали... а нам всё равно...»). Много врагов у маленького зайчишки. Гонялась за ним лисица, пугал страшный филин, ловила разбойница-рысь. От всех врагов ушёл маленький зайчишка.

А вот сорвался с края тропинки, стрелой поднялся в небо над болотом длинноносый бекас-«баранчик». Будто голос молодого барашка, доносился с высоты его далёкий дребезжащий звук. «Качи-качи, качи-качи!» – сидя на кочке радостно отозвался другой бекас в болоте.

Над лесным озером внезапно открывшемся среди леса, с другой стороной, темнеющей под высокими соснами, стелился легкий туман. Прохладной росой покрыта листва на деревьях и осока вдоль моего берега. Уже проснулись певчие птицы, как только исчезла заря за тучами, закрывшими восходящее солнце.

Закуковала и поперхнулась спросонья кукушка. «Ку-ку! Ку-кук-кук!» – звонко раздалось её кукование.

Скоро взойдёт, обсушит росу тёплое солнышко. Туча собралась быстро уходить – свет от солнца где-то вдалеке уже освещал лесные просторы. Я спустился с пригорка к берегу, к своему «бивуаку»: тут из брёвен была построена лавочка и столик, около уключин над местом костровища.

Была мне знакома пара гусей, я запомнил их по отличительным чертам окраски оперения. Первого, ещё молоденького, с прошлого года гусёнка я запомнил потому, что у него на шее было чёрное пятно – как галстук бабочка, чёрная на серой, относительно-белой «рубашке» шеи. Он вырос при мне плавая с мамой-гусыней недалеко на мелководье. И осенью я видел этого гусёнка уже большим в общей стае гусей перед отлётом на юг.

А в этот год он прилетел не один, а со своей парой, с гусыней, у которой на сером правом крыле пятно было из белых перьев: круглоовальное, чуть -ли не в форме сердечка.

(И не случайно упомянул я про изменения климата, которые происходят в последнее время).

Эта пара «меченных» гусей поселилась, построила своё гнездо на болотной кочке близко к берегу, недалеко от моего бивуака. Я наблюдал за ними, и это история произошла на моих глазах.

Откуда в лесу валежник и буераки-завалы? – Не только потому что деревья падают от старости, но и от ураганов, которые стали происходить в последнее время всё чаще и чаще. В людских поселениях, в городах и посёлках, ураганы сносят крыши домов, роняют деревья на автомобили и разрушают заборы. – Появилась новая напасть! В наших широтах и вообще в нашем районе никогда не бывало смерчей. Если ветер и закручивался в смерч, то это было такое небольшое, с ведро диаметром, поднятие пыли с дороги.

А тут случилось ужасное – огромный смерч образовался над озером. Столб воды высотой до небес! – и пронёсся этот вихрь вдоль моего берега. Мой бивуак был разрушен: брёвна подняты были с земли и унесены в далёкие дали. Этот смерч-ураган прошёлся по болоту и унёсся по лесу далеко-далеко, прошёл даже по краю нашей деревни, в шести километрах от озера и разрушил телятник, сломав шиферную крышу на ферме. Во время урагана пропала гусыня, которая сидела на яйцах на болоте рядом с моим бивуаком. А гусь с галстуком-бабочкой остался., он кормился у другого берега на мели у камышей. Он остался совсем один. Если бревно унесло ураганом-смерчем – унесло и гусыню и брёвнами могло её повредить?.. Потом он долго плавал около болота и кричал потерянными голосом – звал свою гусыню.

— — — — —

Я успел отбежать от берега вглубь леса и ураган видел сквозь деревья. Когда пришёл на берег увидел вырванную полосу травы на берегу и осоки на болоте большая широкая полоса оставалась, как след страшного вихря, отметиной на всё время после урагана.

А мой знакомый гусь в галстук так плавал один и часто подплывал к этой «отметине» и кричал плачущим голосом и последующие дни и месяцы лета. Он стал изгоем в своей стае гусиной. Если пары гусей с гусятами иногда объединялись и паслись на берегу щипля травку, то моего гуся с бабочкой прогоняли от себя: шипели на него, не позволяя пасть рядом. И этот гусь, мой знакомый, совсем перебрался на мою сторону озера, и я кидал ему кусочки хлеба – он совсем не боялся меня, и мы даже подружились с ним. Этот обряд призывания своей гусыни он сотворял каждое утро, когда я приходил рыбачить: «гусь-с галстуком» плавал вдоль отметины урагана туда-сюда перед кочками осоки на болоте и кричал.

Я думал, что гусыня погибла в урагане. Ведь там ветер закрутил её вместе с брёвнами и палками.

— — — — —

Так прошла весна, когда мой «гусь с галстуком» пытался присоединиться к общей стае гусей, быть может, надеясь найти другую гусыню, чтобы завести потомство, но был отвергнут – его прогнали.

И прошло почти всё лето, когда «гусь с галстуком» жил один-одинёшенек около моего места рыбалки, с завистью поглядывая на стаю гусей на противоположном берегу, у которых появились гусята.

Я приходил не часто, раз в неделю по выходным, но увидел «встречу-событие»: гусыня наша, с отметиной-сердечком на крыле вернулась в один из августовских дней.

— —

Представляю: как ураган унёс её далеко-далеко, может быть за десятки километров (за 100 и больше) и бросил среди леса. У неё было сломано крыло, повреждена нога – может быть тоже сломана. С трудом она жила, прячась где-нибудь под кустами или под ёлками: лапы елей до земли закрывали гусыню от зверей-хищников – от лисиц и волков... и она пешком шла по лесу к родному озеру, определяя направление по ночному звёздному небу.

— —

В августе я рыбачил как обычно рано утром. И как обычно по утрам, с первыми лучами солнца, мой «гусь с галстуком» отплыл от кочки у берега болота и стал звать-кричать: он кричал каждый раз по часу-полтора, всегдашний обряд, только потом вылезал на берег щипать травку.

Но в этот раз ему в ответ послышался крик гусыни из глубины леса: сколько было радости, как он загоготал и гусь мой поднялся на берег и растопырив крылья в стороны, словно хотел обнять весь мир, побежал в лес на знакомый ему голос, который его звал.

Они вернулись на берег вдвоём, всё ещё гогоча, «разговаривая» между собой. Гусыня наша прихрамывала, и видно было, что крыло её сломано было: ещё не закрылся шрам, не поросла перьями рана, но она махала обоими крыльями в ответ на взмахи «гуся с галстуком».

Он привёл её поближе ко мне, как к другу, ведь каждый свой приход на озеро я подходил к болоту и кормил гуся хлебными кусочками: мы так привыкли... С гордо поднятой шеей проплыл гусь от болота к моим удочкам, а за ним плыла его гусыня. Я быстро стал отламывать кусочки корочки своего хлеба... Гусыня пугалась и отплывала от берега, когда я взмахивал и кидал кусочки хлеба, но глядя, как гусь клюёт-подбирает плавающие хлебные корочки – доверяя «мужу», – тоже подплывала и съела несколько кусочков, брошенных мной. Так они, покушав угощение – тоже ставшее у нас с «гусем с галстуком» обрядом, – удалились на противоположный берег к своей стае гусиной.

А там их уже ждали. Гуси с гусятами, уже с большими, повыходили на берег. И поднялся большой гогот – переполох во время встречи моей пары: «гуся с галстуком» и «гусыни с отметиной-сердечком». Вся стая гомонила – гуси подходили и гоготали, встречая своих «потерявшихся». Больше часа гоготала вся гусиная стая...

Как ни странно, – шум несколько не мешал моей рыбалке, наоборот, рыба стала лучше ловиться: я в тот день ушёл с полным садком.

А в сентябре я проводил гусиную стаю – они пролетали над деревней улетаая на юг.

Конец.

Чудеса Принца Чудеса Гаутамы-принца.

Часть первая

Сидел Будда под деревом, которое цвело полосами по окружности и приносило плоды 12 раз в году: каждый месяц приносило плоды, которыми Будда питался. . . – своей силой мысли он сотворял такое чудо, своей энергией.

И вот там, в уединении, Благословенному, погружённому в размышления, ему приходили мысли.

Пришли на ум, Благословенному такие, прежде не слыханные гатхи:

В том, что с таким трудом постиг я,
Зачем других наставлять стану?
Ведь тому, кто охвачен враждой и страстью,
Нелегко постичь это ученье.

Предавшись страсти, тьмой объятые,
Они не поймут того, что тонко,
Что глубоко и трудно для постижения,
Что против течения их мысли.

2. И когда Будда задумался над этим, ум его стал склоняться к бездействию, к тому, чтобы не проповедовать учение. И тут явился из высших сфер – Брахма Сахампати – явился он, как Ангел перед Буддой и призвал его проповедовать учение, которое получил от высших сфер.

Внимая уговорам Брахмы (Ангела), Благословенный, преисполненный сочувствием ко всем живым существам, оглядел мир своим оком просветлённым и сказал Брахме такие гатхи:

Широко открыта дверь «бессмертной сути» для тех, кто слышит.
Да отвратятся от шрадухи (то есть от брахманизма, от религиозности обрядовой).

«Благословенный даёт мне понять, что он будет проповедовать учение», – и, поклонившись Благословенному, Брахма (Ангел) тут же исчез.

3. Так начал Будда учить людей тому, что познал сам:

«...Есть две крайности, которых должен избегать удалившийся от мира земного и стремящийся к Нирване, – к высшему состоянию бытия личности, предполагающее полное освобождение от всего непостоянного и освобождение от страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.